

но на сам процесс поиска, который будет производить читатель, причем в процессе поиска у читателя будут складываться те (пусть неясные и не до конца осознаваемые) ассоциации, которые хочет вызвать поэт.

Детский лепет отличается отсутствием значения, но когда у ребенка начинает складываться императив поиска значения, он, стремясь связать план выражения с планом содержания, производит соответствующий анализ поступающего материала, причем ребенок меньше, чем взрослый, ограничен в путях поиска и оценки получаемых результатов, что и создает определенную специфику в детском понимании незнакомых слов.

Как показывают эксперименты, значение осознается носителями языка как обязательная сторона слова: слов без значения в естественном языке не должно быть, только соединение значения со звучанием делает последнее словом. Носитель языка допускает свое неведение, незнание значения слова, но стремится его найти. Разнобой в ответах о значении псевдослов указывает на возможность различных подходов к их осмыслению, хотя, вероятно, могут быть установлены некоторые общие пути поиска значений (хотя бы в рамках данной языковой системы для данного типа звуковых комплексов), если только признать, что в индивидуальной памяти отражаются общеструктурные свойства языка. По-видимому, изучение путей, позволяющих реализовать императив поиска значений, может дать материал, свидетельствующий об объективном устройстве словаря (в его части для слушающего).

Экспериментальные исследования семантики отдельных лексических групп показали, что семантика слова – явление столь сложное и разностороннее, что для полноты ее представления полезно комплексное применение нескольких психолингвистических методик, соединение которых может дать полное и объективное отображение реальной семантики слова в его соотношении с действительностью, с другими словами, в его функциях и использовании.

Т. П. Ключенович

ГЛАГОЛЫ С НЕОСНОВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧИ В АВТОРСКОЙ РЕМАРКЕ

В результате анализа текстового материала было установлено, что в современном британском художественном дискурсе в составе ремарки помимо речевых и неречевых глаголов используются глаголы с неосновным значением речи. В рамках выделенной группы мы дифференцируем два типа глаголов:

- 1) с *узуальным* речевым значением (речевое значение является лексикографически зарегистрированным, но вторичным);
- 2) с *оказиональным* речевым значением (речевое значение не зафиксировано в словаре и проявляется только в результате текстовой реализации).

Рассмотрим пример текстовой реализации глаголов первого типа с *узуальным* значением речи, где речевое значение зафиксировано в словаре, но является вторичным.

Don't call me Sam, ' he growled, in a voice Archie did not recognize.

В ремарке используется речеводный глагол *growl* ‘рычать’, основное лексикографическое значение которого является неречевым: ‘(esp. of a dog) make a low guttural sound, usu. of anger’ – ‘(особенно о **собаке**) издавать низкий гортанный злобный звук’. При этом словарь фиксирует и речевое значение данного глагола в качестве вторичного: *to growl* ‘murmur angrily’ ‘недовольно ворчать’. В подобных случаях необходимо рассмотрение контекста с целью уточнить, какое из значений реализуется в данной ремарке. Под контекстом мы понимаем оба элемента конструкции с ЧР: ремарку и реплику. В рамках самой ремарки, во-первых, субъект при данном глаголе (*he* ‘он’) подсказывает нам, что речь идет о человеке, а не о животном. Конкретизатор образа действия при глаголе (*in a voice Archie did not recognize* ‘голосом, который Арчи не мог узнать’) также является дополнительным маркером того, что глагол используется в своем речевом значении, поскольку характеризует особенности произнесения высказывания говорящим субъектом. В выборе текстуального речевого значения глагола играет роль и сама реплика. Так, отнесенность ремарки к фразе, произнесенной человеком (*don't call me Sam* ‘не называй меня Сэм’), также свидетельствует о том, что в ремарке под влиянием процесса речевой метафоризации актуализируется вторичное речевое значение глагола *growl*.

Рассмотрим также пример окказионального текстового употребления неречевого глагола в речевом значении.

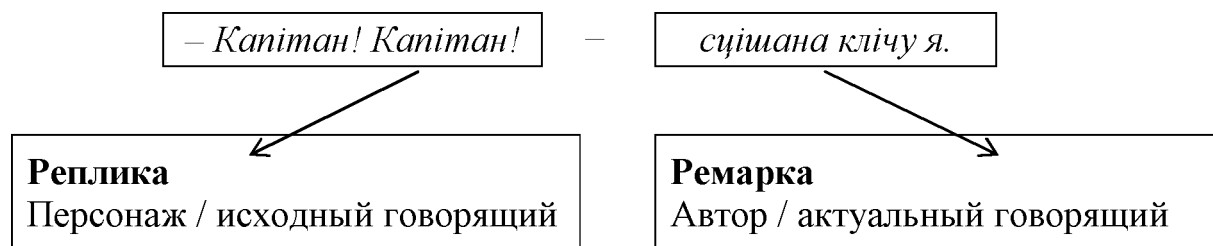
'Anyway,' Em said quickly, 'Dad's getting a new car.'

'Not new new,' Arie corrected. 'But new for us' (E. Freud).

Словарная дефиниция глагола *correct* ‘исправлять, вносить поправки, корректировать’ следующая: ‘set right; amend (an error, omission, etc., or the person responsible for it)’ – ‘приводить в порядок; восполнять пробел, исправлять ошибку или человека, ответственного за нее’. Как мы видим, в лексикографическом источнике речевой компонент значения глагола *correct* не фиксируется, поэтому нам необходимы основания для того, чтобы доказать его окказиональное употребление в речевом значении. Во-первых, следует учитывать тот факт, что основанием для отнесения неречевых глаголов к речевым может быть наличие в их семантике потенциальных имплицитных сем говорения, которые в конкретном контексте превращаются в эксплицитные и уточняют процесс говорения. Так, в семантике рассматриваемого глагола присутствует потенциальная имплицитная сема ‘говорение’, а также сема ‘воздействие’, которое может осуществляться и в форме речевого воздействия. Во-вторых, как и в отношении глаголов первого типа, важным является рассмотрение контекста как информации об условиях употребления высказывания. Как мы видим, в самой ремарке *Arie corrected* ‘исправила Эри’ нет указаний на речевую деятельность. Однако на отнесенность к речевой деятельности указывают сами реплики. Рассмотрим последовательно расположенные реплики двух говорящих в диалоге, к которому относится данная ремарка: *Dad's getting a new car [...]. Not new new, [...]. But new for us* ‘Папа покупает **новую** машину’ [...] ‘Это **не будет новая** машина’ [...] ‘Но **новая** для нас’. Как мы видим, исходный говорящий (*Arie*) словесно исправ-

ляет своего собеседника, что свидетельствует о текстовой реализации речевого значения глагола *correct*. Таким образом, как семантическая структура глагола, так и контекст указывают на его окказиональное речевое значение.

В составе ремарки текстуальное значение глаголов с неосновным значением речи всегда является речевым независимо от фиксации такового в лексикографических источниках. Большинство глаголов данного блока обладают богатым прагматическим потенциалом и служат средством меткой, образной, емкой характеристики говорящего лица и процесса говорения (рисунок).

Конструкция с ЧР

И. И. Комаристова

ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Термин *герменевтика* произошел от имени *Гермес* – посланник богов, который в древнегреческой мифологии был посредником между богами и простыми смертными; он должен был истолковывать людям повеления богов, а богам – просьбы людей.

Вначале термин *герменевтика* относился только к интерпретации (толкованию) библейских текстов. В Средневековье герменевтика была неразрывно связана с теологией, с толкованием сочинений «отцов церкви» (Б. Н. Бессонов). С IX в. этот термин используется в широком значении как искусство понимания текстов, как общая теория понимания и метод интерпретации произведений, в которых находит воплощение внутренняя жизнь, авторская интенция и индивидуальный опыт. Основными теоретиками герменевтики были философы Ф. Шлейермахер, Е. Д. Хирш, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер. В современной лингвистике и философии языка основными продолжателями идей герменевтики стали П. Грайс и Дж. Серль (И. И. Токарева).

Современная герменевтика как метод оформилась благодаря деятельности Х.-Г. Гадамера, особенно его работе «Истина и метод». Сам исследователь указывает, что во многом на развитие его научных идей повлиял М. Хайдеггер. Что касается основной задачи герменевтики, то «собственная проблематика понимания, попытка овладеть пониманием как искусством – это есть тема герменевтики» (Х.-Г. Гадамер).